

УДК 070(091):821.161.1.09"18"
ББК 76.023 + 83.3(2=411.2)52-8

РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО В ЖУРНАЛЕ «ДЕЛО»

(Статья вторая)

Олеся Александровна Козлова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru, olesya-kozlova@mail.ru
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

Виктор Иванович Виньков

Старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru, media@volsu.ru
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

Аннотация. В статье анализируется оценка романного творчества Л.Н. Толстого журналом «Дело». Литературно-эстетическая позиция издания была детерминирована, с одной стороны, редакционными взглядами на цели и задачи литературы в современном культурном контексте, с другой, – конкретной, весьма динамичной, общественно-политической ситуацией в России, вносящей коррективы в оценку произведений писателя. В фокусе внимания критиков и публицистов журнала оказывались общечеловеческие и общекультурные ценности, проводимые в романах Толстого, его философские рефлексии.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, журнал «Дело», публицистика, литературная критика, тенденциозность литературы.

Во второй половине семидесятых годов «оригинальная теория развития русского реализма», детерминированная идеологией разночинцев и определявшая литературно-критические взгляды сотрудников журнала «Дело», получила окончательное оформление (см.: [1]).

В майском номере «Дела» за 1875 год Ткачев печатает «Критический фельетон», посвященный разбору «Анны Карениной» Толстого. Помимо романа, объектом внимания публициста стали и рецензии на него, массово опубликованные в газетах и журналах разных направлений. «Из усиленного беллетристического вздора, – пишет Ткачев, – неизбежно

вытекает усиленный критический вздор» (Дело. 1875. № 5. 2-я паг. С. 18). Особые претензии автор предъявляет А.М. Скабичевскому, который на страницах «Биржевых ведомостей» недвусмысленно обозначил свою позицию, заявив, что не принадлежит к числу критиков, требующих от современных писателей и их произведений только лишь идейности и серьезных, гражданских заявлений. Будучи сторонником теории тенденциозности литературы, Ткачев резко парирует: «Присяжный критик «Отечественных записок» так много писал критических статей, что даже совсем исписался, исписался до истощения,

до тла» (Там же. С. 16.). Ткачев не сомневается в художественном таланте Толстого, но в «Анне Карениной» писатель «при обычном блеске и совершенстве художественной формы дошел до невероятной, скандальной пустоты содержания». «Творец “Анны Карениной”, – отмечает критик, – по своей художественно-философской теории невидящий никакого интереса в общих явлениях жизни, выходящих за пределы половых, личных и семейных отношений, только этими последними и питает свое творчество. <...> Он считает призрачным вздором всякие так называемые «веяния» времени, всю борьбу поступательного хода жизни с задерживающими этот ход влияниями, – одним словом, все, что составляет внутреннее содержание жизни» (Там же. С. 27). Опасения сотрудника «Дела» состояли в том, что рефлексии талантливого литератора могли существенно повлиять на умы и сердца читающей публики.

Резкое неприятие у Ткачева вызвал главный герой романа – Константин Левин, все силы которого, по едкому замечанию критика, направлены на женитьбу и создание семьи в духе «домостроевской, давно отжившей, философии». Окончательная характеристика Левина нелицеприятна: «Самодовольно-ограниченный эгоизм, чуждающийся умственного труда и жизненного движения и ищущий главной цели жизни в удовольствиях половой жизни на «лоне природы» (Там же. С. 32).

Скептически воспринимает Ткачев и изображение адюльтера Анны Карениной: «Давно в нашей литературе не появлялись подобные амурные “kozyри” в произведениях крупных писателей-романистов... Но теперь, увы, за посредственностями в область беллетристической пустоты, кажется, и крупные дарования двинулись» (Там же. С. 37). Сотрудник «Дела» убежден, романы, подобные «Анне Карениной», давно перестали отвечать потребностям «прогрессивной публики», ожидающей увидеть в литературе передовые идеи и взгляды.

Оценивая философскую концепцию романа и весь творческий путь Толстого в целом, Ткачев находит вполне закономерным итог эволюции писателя, воплотившийся в его последнем романе. Когда-то, вспоминает критик, после «Детства», «Отрочества», «Юности»,

«Севастопольских рассказов» в журналистике самых различных направлений за автором закрепилась репутация «писателя-реалиста в высшем смысле этого слова». Однако уже тогда Апп. Григорьев (которого Ткачев называет «одним из даровитейших представителей эстетической критики»), большой поклонник художественного таланта Толстого, сумел угадать «опасный и скользкий путь, на который впоследствии уклонилось миросозерцание автора «Анны Карениной». «В его (Апп. Григорьева. – О. К., В. В.) замечании об односторонности анализа нашего автора, в его намеках о том, какое значение имеет “положительная” защита и превознесение непосредственной простоты, доброты и смирения, – пишет Ткачев, – как будто слышится предчувствие того узкого художественного теоретизма, до которого дошло миросозерцание гр. Толстого в пресловутой хронике “Война и мир” и новейшей эпопее барских амуров – “Анне Карениной”» (Там же. С. 23).

Роман Толстого, резюмирует критик «Дела», напоминает «бесцельную, хотя и занимательную сказку, в которой блестящая форма наполнена содержанием личных эстетических вожделений автора...», «бездна художественного дарования потрачена в изобилии на совершенно вздорное, растленное содержание» (Там же. С. 19).

В середине семидесятых годов на страницах «Дела» активно обсуждался вопрос о причинах, повлекших за собой так называемое «литературное безвременье». Весьма обоснованный упрек Н.В. Шелгунов предъявил современному читателю, а в его лице и всему обществу в целом. Пассивность публики, ее совершенное безразличие к каким бы то ни было идеям и мыслям, полное нежелание самостоятельно анализировать общественную ситуацию привели, по его мнению, к тому, что «русский роман и повесть стали безжизненными и бесцветными». Каких же «вершин» искусства может требовать критика от беллетристов, когда реальная действительность «пуста», когда «общество не только оттягивает вниз всю литературу, но оттягивает вниз и высшие точки русской мысли? <...> Самый сильный положительный художественный ум не создаст ничего из такого материала... И типы, и герои, и идеалы – все

это микроскопично потому, – заключает Шелгунов, – что микроскопичны оригиналы, с которых они рисуются» (Дело. 1875. № 8. Отд. 1. С. 292–293).

Пропагандируя новое литературное направление, критик отмечает недостаточность разрабатываемых текущей беллетристикой «отдельных идеалов и совершенств». Писателям необходимо прийти к изображению «простой действительной жизни, в картинах которой читатель бы видел, какие причины порождают какие следствия в развитии личных характеров и в отношении их к обществу, и как эти последствия отражаются на самом, даже личном, счастье человека» (Дело. 1878. № 5. С. 323). Публицист много размышляет о новом герое, который должен явиться в литературу «олицетворением критической мысли», «сортирующей и очищающей понятия». Шелгунов убежден, «пока современный роман не создаст подобного критического типа, не создаст он и идеала» (Дело. 1877. № 6. 2-я паг. С. 55).

Важно отметить трансформацию литературно-эстетических взглядов Шелгунова, произошедшую в середине семидесятых годов. В шестидесятые годы критик считал художественность необходимым качеством любого беллетристического произведения, но уже в статье «Нехудожественный роман», опубликованной в 1875 году, он несколько раз повторяет тезис о безусловной приоритетности в произведении «прогрессивных» мыслей и идей. «Если приходится выбирать между художественной формой, нежелающей знать практических требований жизни, и между нехудожественностью, содержательной по идее, уж, конечно, – уверен Шелгунов, – содержательную нехудожественность нужно предпочесть бессодержательной художественности» (Дело. 1875. № 7. 2-я паг. С. 3).

П.Н. Ткачев, неоднократно поднимавший в журнале проблемы тенденциозной литературы, с горечью отмечал: «Беллетристика из наставницы и руководительницы общества... все больше и больше превращается в веселенькое развлеченьце, в пустую забаву..., все чаще и чаще забывает, да и других заставляет забывать о злобе дня» (Дело. 1876. № 8. 2-я паг. С. 45). Критик согласен, что с эстетической точки зрения современные тенденциозные ро-

маны не выдерживают никакой критики, но их исторический смысл и значение заключается в привлечении общественного внимания к насущным вопросам современности.

Вслед за Ткачевым и М.А. Протопопов в статье «Отживающие традиции» (Дело. 1882. № 5) говорит о качестве литературы, которое определяется не степенью ее художественности, не размером действующих в ней талантов, а исключительно содержанием проводимых в ней идеалов (Дело. 1882. № 5. С. 24–25). Литература для критика – это не искусство, не «праздная барская затея», это «дело насущное, как хлеб, воздух и вода». Она – выражение и показатель общественной жизни. «Только тот пишет хорошо, – заключает Протопопов, – кто пишет под диктовку улицы» (Там же. С. 26).

Очевидно, что последние произведения Толстого диссонировали с представлениями сотрудников издания о современной качественной литературе. К немалому удивлению редакции «Дела» за Толстого вступился ведущий публицист «Отечественных записок» Н.К. Михайловский, выпустивший в летних номерах журнала за 1875 год свою большую статью «Десница и шуйца гр. Толстого». «Весьма ученый собрат, – иронически замечает Ткачев, – попытался в своей весьма длинной и в весьма ученой статье разъяснить, что между «шуйцей» и «десницей» автора «Войны и мира» и «Анны Карениной» существует столь же много общего, как и между Лесевичем и Контом» (Дело. 1878. № 1. 2-я паг. С. 5). «Нужно иметь много прилежания и много терпения, – продолжает критик, – чтобы проштудировать всю дребедень, написанную московским философом-романистом... В результате исследований оказалось, как и следовало ожидать, что если, с одной стороны, гр. Толстой и может быть причислен к сонму народофилов, то, с другой стороны, с не меньшим правом он может быть причислен и к лику ерундофилов» (Там же).

Редакция журнала не раз вступала в литературную полемику с представителями других изданий. В частности, показательна дискуссия с П.Д. Боборькиным о принципах и задачах реальной критики. Боборькин на страницах «Слова» в статье «Мысли о критике литературного творчества» (1878. № 5) обви-

нил «Дело» в крайне неблагоприятном и предвзятом отношении к современным беллетристам. По его мнению, критикам не хватает «научной теоретической подкладки» (основой «реальной критики», убежден Боборькин, должна стать психология), именно по этой причине их оценки приобретают ярко выраженный субъективный характер. Считая, что спорить с публицистом «Слова» бесполезно, Ткачев предлагает свой взгляд на специфику и задачи реальной критики. «Критика литературного творчества, если хочет быть критикой реальной, должна ограничить сферу своего анализа лишь вопросами, допускающими научное, объективное решение: 1) определением и разъяснением историко-общественных фактов, обусловивших и породивших данное художественное произведение; 2) определением и разъяснением историко-общественных факторов, обусловивших и породивших те явления, которые воспроизводятся в нем; 3) определением и выяснением их общественного значения и их жизненной правды. <...> Однако это не значит, – подчеркивает Ткачев, – что критик-реалист обязан умалчивать перед читателем о том эстетическом впечатлении, которое произвело на него разбираемое произведение... Напротив, подобный разбор будет содействовать прояснению общественного сознания, развивать в читателе разум, критическое отношение к явлениям окружающей действительности» (Дело. 1878. № 8. 2-я паг. С. 23–24, 25). А так как эстетические вкусы читателей субъективны, индивидуальны и «не подвластны пока точной науке», то, по мнению Ткачева, говорить о какой-либо «научной эстетике», предлагаемой Боборькиным в качестве основы литературно-критического анализа, по меньшей мере, преждевременно. Первоочередной задачей «реальной критики» сотрудник «Дела» считает «содействие распространению среди читателей таких художественных произведений, которые могут благоприятно влиять на расширение их умственного кругозора, на их нравственное и общественное развитие» (Там же. С. 25). В то же время, она должна «противодействовать распространению произведений, затемняющих общественное сознание, деморализующих нравственное чувство публики» (Там же).

К числу «вредных» произведений Ткачев безоговорочно относит «Анну Каренину». В статье «Салонное художество» (1878. № 2, 4) он продолжает начатый в «Критическом фельетоне» анализ романа. Называя писателя «натуралистом-эмпириком» и последователем Золя, критик обвиняет его в неумении обобщить материал и понять скрытый смысл воспроизведенных деталей и подробностей. «Вот почему, – заключает Ткачев, – роман Толстого не производит на вас никакого целостного, ясного, определенного впечатления» (Дело. 1878. № 2. С. 359). «Анну Каренину», по его мнению, нельзя даже назвать романом в полном смысле этого слова. Это не более чем «сборник «протоколов человеческих деяний», коллекция фотографических снимков» (Там же). Толстого интересует лишь «верность копии, изящество отделки», герои же его производят впечатление не живых людей, а «человекообразных сосудов, наполненных идеальной эссенцией некоторых реальных чувств» (Там же. С. 352).

Идеи и мысли Толстого в «Анне Карениной», его философия, считает критик, а вместе с ним и редакция «Дела», остались все теми же, что и в «Войне и мире». Это «философия застоя», «философия восточного фатализма, невежества и мракобесия». Толстой обращается к таким «устарелым ресурсам», как религия, христианское миропонимание и самосознание, и при этом в романе полностью отсутствуют какие-либо «высокие гражданские идеи», «нет никакой пищи ни уму, ни сердцу» (Там же).

Определяя важность и достоинство художественного произведения «жизненностью» его тенденции, Шелгунов несколькими номерами позже заявил: «В тот момент, когда общественная мысль и общественное мнение направлены на разрешение общих вопросов, писатель, выступающий с любовным романом, как бы ни был хорош этот роман, – успеха иметь не будет» (Дело. 1878. № 5. С. 300).

Серьезной критике в журнале «Дело» подверглась и система народного образования, разработанная Толстым. Она в значительной степени была направлена против немецких педагогических традиций, которые считались «прогрессивными» и получили широкое распространение в российских школах конца XIX столетия.

Отстаивая свои взгляды на преподавание в народных школах, писатель предложил «Отечественным запискам» статью «О народном образовании». Ее напечатали в сентябрьском номере журнала за 1974 год. В статье Толстой обвинил сторонников «прогрессивного метода обучения» в полном незнании интересов, потребностей и уровня развития народа. Именно эти факторы, по его мнению, должны определять педагогическую систему. Отвергая «новомодные принципы развития», Толстой провозглашает: «Народ должен знать русскую и славянскую грамоту и счет. Всякие истории, географии... народ везде и всегда считает бесполезными пустяками» (Отечественные записки. 1874. № 9. С. 180–181).

Подобные заявления на страницах демократических «Отечественных записок» редакция «Дела» не могла оставить без внимания [3, с. 57–60]. Выразителем общего мнения журнала стал Ткачев, вступивший в полемику с публицистами некрасовского издания, которые встали в «педагогической распре» на сторону Толстого. В апрельском номере журнала за 1875 год Ткачев публикует статью «Народ учить или у народа учиться?». Критик недоумевает, что же такого сделал Толстой, чтобы заслужить доверие и восхищение «нашей образованной публики». С его точки зрения, роль писателя во всем этом «педагогическом переполохе» ограничилась лишь тем, что он первый крикнул: «Ату их, немецких педагогов!» И никто бы этого не заметил, если бы его статья не соответствовала «духу времени», если бы она не попала «в тон господствующего настроения».

Ткачев вспоминает, что писатель уже во второй раз выступает как гонитель и ненавистник всякой научной педагогики вообще и немецкой в частности. Еще в 1862 году в статье «Прогресс и определение образования» («Ясная Поляна». 1862. № 9), Толстой настаивал на том, что один только народ может решать, как и чему следует его учить. Тогда, двенадцать лет назад, Толстой потерпел фиаско. «Неожиданный успех» его идей сегодня критик объясняет тем, что «тогда проповедь яснополянского просветителя попала в тон реакционному меньшинству; теперь она попала в тон меньшинству либеральному. <...>

Тогда его осмеяли – теперь превознесли!» (Дело. 1875. № 4. 2-я паг. С. 38).

Только вот, не понимает Ткачев, как могла настолько «спорная» статья Толстого попасть в «Отечественные записки». «Многие, – замечает он, – «были крайне удивлены, встретив в органе, издающемся под редакцией гг. Некрасова-Краевского, развитие той же самой педагогической философии, которая осмеивалась и побивалась в органе, издававшемся под редакцией только одного г. Некрасова. <...> Надеялись, что редакция журнала не замедлит смыть слезою покаяния грешную вылазку г. Толстого.., и вдруг в январской книжке редакция, устами какого-то “профана”, делает категорическое заявление... “Профан” “Отечественных записок” не только заявляет полнейшую солидарность, от своего имени и от имени своих сотоварищей по журналу, с педагогической теорией яснополянского просветителя, но и представляет даже некоторые, собственным умом измышленные соображения для его оправдания и вящего утверждения» (Там же. С. 39). Что же произошло с тех пор? – спрашивает Ткачев, обращаясь к «Отечественным запискам». «Теории гр. Толстого не изменились ни на волос, значит, мы изменились? Или, может быть, мы только все забыли? Не обратились ли наши “профаны” в Иванов Непомнящих?» (Там же. С. 38).

Толстовскую концепцию народного образования, строящуюся на тезисе – «учитель сам должен решать, чему и как учить ребенка, сообразно наклонностям и потребностям последнего», Ткачев называет «мистико-оптимистической», решающей все вопросы в пользу народной души. Принимая ее, мы рискуем попасть «из огня да в полымя»: «Оставляя учителей в полнейшей неизвестности, как и чему следует учить народ, эта философия унижает и искажает цель и назначение народного воспитания. Из орудия цивилизации, из средства постоянно двигать народ вперед она превращает его в какой-то вечный тормоз, в орудие застоя и рутины» (Там же. С. 45). Публицист «Дела» уверен, школа только тогда и может оказать благотворное влияние на народное развитие, когда встает выше его насущных, исторически сложившихся потребностей, когда она преследует идеалы более разумные и более широкие, чем те, которые пре-

следует он. Одним словом, школа должна не «нисходить» до уровня народных требований, а, напротив, она должна народ поднимать до своего уровня. Конечно, Ткачев признает, что в настоящее время мудрость западноевропейской педагогики может проявляться в крайне нелепых и шатких формах, что отечественные педагоги и их немецкие учителя «доходят иногда в своем педагогическом рвении до геркулесовых столбов всевозможных бессмыслиц», но все-таки их основной принцип – принцип развития – верен, разумен и непреложен. «Мудрость же графа Толстого, независимо даже от ее практического приложения, в основе своей ложна, нелепа, проникнута мистицизмом» (Там же. С. 48).

В пятом номере журнала за 1875 год в статье «Нечто о современных митрофанах» Ткачев вновь поднимает вопросы толстовской педагогики. На этот раз он полемизирует со Скабичевским, взявшим в «Биржевых ведомостях» под свою защиту педагогическую концепцию писателя. Такие выступления Ткачев считает «социально-опасными», заявляя: «Митрофаны, утешившие себя мыслью, что хорошо или дурно, но народ научится грамоте и счету <...>, что Толстой бросает народу спасительную веревку в виде расширения круга людей, которые бы учили его, глубоко заблуждаются». «Вместо того, чтобы вытащить народ из пучины невежества, она еще глубже окунет его в эту пучину», «в конец изуродует и обесмыслит юное поколение» (Дело. 1875. № 5. 2-я паг. С. 73). Неужели, пишет публицист, «митрофаны» не знают, «что огромное большинство народа, силою вещей вынуждено довольствоваться только теми знаниями, которые дает ему народная школа? То, чего он не дополучит в школе, того уже ему не приобрести и в жизни... у народа просто нет на это свободного времени» (Там же). Поэтому соглашаться с «педагогической философией» Толстого, по меньшей мере, преступно.

Жестко критикуя педагогические взгляды Толстого, Ткачев в очередной раз говорит о большой ответственности «образованного меньшинства» за выбор методов и средств народного образования. «Воспитание, – подчеркивает он, – только тогда и может быть прогрессивным двигателем жизни, когда оно преследует разумные общечеловеческие идеалы (а не

идеалы той или другой невежественной среды) и когда оно, формируя душу и тело ребенка соответственно с этими идеалами, руководствуется в своей образовательной деятельности не случайным эмпирическим опытом, не безотчетным вдохновением, а положительным знанием, осмысленным пониманием общих законов человеческой природы» (Там же. С. 68).

Коллега Ткачева по журналу, М.Н. Попов, в материале «Вред или польза?» (1875. № 3), в целом поддерживая основные положения ткачевской позиции, замечает однако, что из возникшего противостояния не без ран вышли и авторитетные педагоги. Репутация их методов и книг после выхода статьи Толстого сильно пошатнулась. Попов задается вопросом: почему, составляя учебные руководства, они используют какой-то «балаганный язык». Приближаясь к точке зрения Толстого, автор статьи не может понять, как получилось, что в современной педагогике сложилось представление о мужике, как о дикаре, завоевать доверие которого можно лишь явившись перед ним в роли шута и балагура. «Неужели, – говорит сотрудник “Дела”, – педагоги убеждены, что наш народ настолько глуп, что не может понять простого и ясного языка “господ” и только тогда станет слушать этих “господ”, когда они прикинутся “мужичками”?» (Дело. 1875. № 3. Отд. 1. С. 168).

В споры о народном образовании включился и А.П. Пятковский. В статье «Педагогическое идолопоклонство» (Дело. 1877. № 1), анализируя книгу С. Миропольского «План и основы устройства нашей народной школы» (1876), он обращает внимание на недостаточную компетентность новых педагогов. «Прогрессивная журналистика, – по мнению Пятковского, – воспользовавшись фактами, приводимыми у гр. Л. Толстого, но, оставляя в стороне некоторые идеи автора и даже полемизируя с этими идеями, – действительно, пощипала-таки порядочно “новую школу” педагогического фразерства и совершенного непонимания детской природы... и пощипала, сколько помнится, по заслугам» (Дело. 1877. № 1. 3-я паг. С. 33–34).

В «Деле» признавали, что в своей педагогической практике «цивилизованное меньшинство» ошибочно руководствуется «без разбора и на веру взятыми из иностранных

сочинений соображениями». «Мы, если и позаимствуемся чем-нибудь хорошим от иностранцев – писал анонимный рецензент “Дела”, – так дадим ему такое узкое, жалкое значение, что оно теряет все свое достоинство. Педагогическая литература наша крайне бедна» (Дело. 1872. № 2. 2-я паг. С. 57).

В 1875 году вышла «Новая азбука» Толстого. В ней писатель продолжил критику основных методов и принципов новой педагогики. Отчасти именно поэтому «Азбука» не имела успеха у учителей. Не встретила она одобрения и у сотрудников «Дела». В статье «Вперед или назад?» Н.В. Шелгунов, прежде всего, счел должным заявить, что общепризнанные заслуги Толстого в разоблачении «немецкого педантизма» не так велики: «С самого начала методы развития Бунакова не вводили в недоразумения ни учителей наших семинарий, ни даже более толковых учителей народных школ» (Дело. 1875. № 9. 2-я паг. С. 2). Изучив толстовскую «Азбуку», публицист резюмирует: от книги «веет сухостью и скукой», «даже самый тенденциозный педагог не выжмет из этого сочинения ничего развивающего».

Шелгунов раскритиковал в «Азбуке» и язык, и манеру изложения материала. «Язык хоть прост и понятен, – пишет он, – но настолько бесцветен и беден, что складывается впечатление, будто с вами беседует засохший школьный учитель» (Там же).

По мнению публициста, выступая против немецкого педантизма, Толстой сам недалеко ушел от него. «Он не признает за учениками никакого права на вопросы, ... он не позволяет им даже думать и требует одного механического мышления, а не критического и любознательного» (Там же. С. 23). Вывод Шелгунова не утешителен: «“Новая Азбука” Толстого даст не больше, чем старинный букварь, необыкновенно монотонный и однообразный, над которым заснет всякий ребенок... Это скорее шаг назад, чем вперед» (Там же. С. 9).

Таким образом, «западническая» ориентация «Дела» проявилась не только в критике «славянофильских» настроений Толстого, но и в полемике по педагогическим проблемам. Вопрос о методах и способах «народного образования» считался в благосветловском жур-

нале приоритетным. Сотрудники признавали правоту автора статьи «О народном образовании», осудившего педагогов «нового» метода за незнание уровня развития и интересов народа, однако, педагогические идеи самого Толстого не встретили в журнале поддержки и сочувствия.

С радикально утилитаристских позиций журнал отрицал и эстетические достоинства произведений писателя. Толстой был безоговорочно причислен к представителям «отжившей» эстетической школы 40-х годов, неспособной предложить современному читателю хоть какую-то прогрессивную идею. Подобный подход сотрудников «Дела» к оценке толстовского творчества, по справедливому замечанию В.Б. Смирнова, «был показателен как для характеристики журнальной позиции, так и для понимания той классово-политической дифференциации, которая была свойственна литературному процессу 70–80-х годов XIX века» [2, с. 159].

Абсолютно неизменной, по своей неприемлемости, на протяжении всей литературной истории оставалась позиция журнала в отношении философско-политических взглядов писателя, а именно его непротивленческих, пассивистских идеалов, которые он мастерски облачал в «соблазнительные» одежды. Свою первостепенную задачу публицисты и критики «Дела» видели в борьбе с подобным «замаскированным злом», в дезавуации, как им казалось, «тлетворных» идей Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коршунова, С. И. Концепция народного писателя нового типа в критике журнала «Дело» (К вопросу о развитии теории реализма в русской критике 1870-х годов) / С. И. Коршунова // Вопросы русской литературы. Вып. 1 (39). – Львов, 1982. – С. 126–135.
2. Смирнов, В. Б. Лев Толстой в оценке журнала «Дело» / В. Б. Смирнов // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни : тезисы межгос. науч. конф. (Казань, 26–29 мая 1992). – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1992. – С. 57–59.
3. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой. Семидесятилетие / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Сов. писатель, 1960. – 295 с.

THE RECEPTION AND INTERPRETATION OF L.N. TOLSTOY'S
NOVELISTIC CREATIVITY IN "DELO" MAGAZINE

(Article 2)

Olesya Aleksandrovna Kozlova

Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
stilvolsu@mail.ru, olesya-kozlova@mail.ru
400062, Volgograd, Prosp. Universitetsky, 100

Viktor Ivanovich Vinkov

Senior Lecturer, Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
stilvolsu@mail.ru, media@volsu.ru
400062, Volgograd, Prosp. Universitetsky, 100

Abstract. The article analyzes the evaluation of L.N. Tolstoy's novelistic creativity by "Delo" magazine. The literary and aesthetic position of the publication was determined, on the one hand, by editorial views on the aims and tasks of literature in the contemporary cultural context, on the other hand, by the particular, highly dynamic socio-political situation in Russia that corrects the writer's works. The attention of the magazine's critics and journalists was focused on universal and general cultural values reflected in the novels of Tolstoy, his philosophical reflections.

Key words: L.N. Tolstoy, "Delo" magazine, journalism, literary criticism, tendentiousness of literature.